

Максим Зверев

На зов
таинственной
горы

6+

Максим Зверев

На зов таинственной горы

«ЛитРес: Самиздат»

1973

Зверев М. Д.

На зов таинственной горы / М. Д. Зверев — «ЛитРес: Самиздат»,
1973

Небольшой пассажирский самолёт потерпел аварию посреди пустыни. Пассажиры, включая двоих детей, вынуждены выживать многие дни под палящим солнцем в песках. Путь в поисках воды, пропитания и цивилизации лежит среди уникальных природных ландшафтов Средней Азии, в числе которых таинственный поющий бархан. Автор с научной точностью щедро знакомит читателя с любопытными фактами животного мира пустыни, держа в постоянном напряжении сюжетную линию про выживанцев и их перипетии.

© Зверев М. Д., 1973
© ЛитРес: Самиздат, 1973

Максим Зверев

На зов таинственной горы

– Всем лечь на пол! Иду на вынужденную посадку! – скомандовал пилот твердым, уверенным голосом.

Миг – и спокойное, полусонное состояние пассажиров сменилось паникой:

– Что случилось?!

– Падаем!

– Ложитесь, он сказал, ложитесь!..

Торопясь и толкаясь, шестеро пассажиров быстро растянулись на полу кабины небольшого самолёта. Каждому показались вечностью эти страшные мгновения, когда мучительно замирало сердце от быстрого спуска, а страшный удар мог произойти в любую секунду.

Но самолёт плавно коснулся земли, немного пробежал, легко подпрыгивая, и остановился.

Молодой пилот вытер пот с лица рукавом и невольно улыбнулся, увидев испуганные лица лежащих пассажиров.

– Можно вставать! – ободряюще произнес он и облегченно вздохнул.

Первым вскочил Коля, мальчик лет десяти, одетый в новый костюмчик, и как ни в чём не бывало обратился к пилоту:

– Дядя, а это настоящая вынужденная посадка, как на войне?

– Самая настоящая, к сожалению!

Кряхтя и отряхиваясь, поднялся отец Коли, солидный полный мужчина в роговых очках, и спросил:

– Что это значит, молодой человек?

– Мотор забарахлил, товарищи... А тут ещё сумерки наступают. Пришлось садиться. И, надо сказать, удачно сели – на такыр среди песчаных барханов, как на аэродром! Утром разберемся и полетим дальше.

– А позвольте Вас спросить, как же теперь Кисловодск? – недовольно спросил отец Коли.

– Какой Кисловодск? – не понял пилот.

– Обыкновенный. Я, милейший, на курорт с сыном лечу, – сообщил толстяк. – Впервые собрался – и вот вам, пожалуйста!

– Придется на денек опоздать, товарищ пассажир! – сказал пилот.

В ответ последовал молчаливый демонстративный поклон.

Все столпились около выхода. В быстро наступающих южных сумерках вокруг виднелись только песчаные барханы и бесконечной дорожкой уходил в темноту такыр, на который пилот мастерски посадил самолёт.

– Товарищи! —обратился пилот к пассажирам. – Ничего не поделаешь, давайте отдыхать до рассвета. А там видно будет. Советую лечь на крылья – на песке могут быть змеи, фаланги и разная прочая пакость.

– Каракуртов ещё забыли, – сердито добавила девушка. – Мы с Гульнаррой останемся в кабине. – И она удобнее устроила на сиденье маленькую девочку – свою младшую сестру, с чёрными, чуть раскосыми глазами, как у неё самой, и со множеством мелких косичек, переплетенных яркими ленточками.

– Ну что же, выходите, товарищи! Девушка и дети останутся в самолёте! – распорядился пилот и легко спрыгнул на песок.

– Никуда я отсюда не выйду, и Вы, сержант, оставайтесь, – послышался тихий, но решительный голос самого молчаливого пожилого пассажира. За всю дорогу он не проронил ни слова. На коленях старичок держал обеими руками плотный брезентовый саквояж. Рядом с

ним сидел молодой человек в военной форме, с погонами сержанта на гимнастерке и карабином между колен.

– В самом деле, пожалуй, уж лучше дремать ночь на своих местах в креслах, чем рисковать быть укушенным, – решил отец мальчика. – Коля, не смей выходить!

– Как хотите, товарищи, – согласился пилот, поднимаясь в самолёт.

– Это взаправду твоя сестра? – завистливо спросил Коля у Гульнары.

– Чья же еще? Знаешь, как она над нашим домом летала, – низко-низко. И самолёт у неё лучше – не с двумя крыльями, а со всеми четырьмя!

– А ты что самая младшая сестра?

– Нет, наша киса Мура младше!

– Вы сообщили по радио на командный пункт, где мы находимся? – спросила Майра, обращаясь к лётчику.

– Радио, девушка, тоже не работает, давно бы связался. Наверное, во время грозы там что-то замкнуло. Утром исправим и наладим связь.

Майра досадливо махнула рукой.

Долго ещё спорили и обсуждали положение пассажиров. Наконец разговоры стихли. Все удрученно сидели и дремали на своих местах.

Раннее утро в пустыне. Небольшой одномоторный самолёт неподвижно замер среди барханов на твердом такыре. Первые лучи солнца осветили вершины барханов, и длинные тени от них потянулись к западу. Множество ночных следов жуков, тушканчиков, ежей виднелись на песке, как рябь после дождя.

Лётчик проснулся первый и осторожно прошел мимо пассажиров, спящих полусидя. Он вышел из самолёта и легко взобрался на первый же большой бархан. Кругом до самого горизонта виднелась пустыня. Медленно лётчик вернулся к самолёту. Пассажиры проснулись. Спали только дети, лежа на сиденьях. Навстречу лётчику шла Майра.

– Ну, что там?

– Только пустыня. Никаких признаков жилья, – развел руками лётчик.

– Давайте начнем с починки рации, – предложила Майра. – Как Вас зовут?

– Тулеген. А Вас, если не ошибаюсь, Майра? Ну хорошо, помогите, если можете! – согласился лётчик.

Молодые люди влезли в самолёт и склонились над рацией. Дети проснулись и с интересом осматривались кругом. Первым делом они взобрались на бархан и скатились с него как с горки, набрав полные ботинки песка. Сбросив их, босиком начали гоняться за прыткими пустынными ящерицами. А те, словно дразня ребят, подпускали к себе на несколько шагов, а затем с удивительной быстротой перебежали дальше.

– Лови ее! Лови! – с азартом кричали ребята, забыв обо всем на свете.

Одну из ящериц начали ловить вдвоем. И вдруг у них на глазах она распласталась на песке и, быстро гребя по бокам лапками, утонула, как в воде, в сыпучем песке.

Коля бросился раскапывать песок в этом месте. Ящерица исчезла бесследно.

– Помогай, Гульнара! – крикнул Коля.

Но девочка опустила руки и заморгала глазами. У неё блеснули слезы. Она подбежала к сестре и чуть не плача затараторила:

– Ящерица утонула! Мне её жалко... иди поищи её!

– Подожди, Гульнара, мне сейчас не до ящерицы, – озабоченно ответила Майра, – попроси Колю!

Отец мальчика поднялся на бархан и поднес к глазам бинокль. Кругом, как море, застывшее по велению волшебника, виднелись крутые «волны» неподвижных песчаных барханов,

кое-где между ними тянулись глинистые такыры, а вдали виднелись заросли саксаула. Колин отец долго смотрел в бинокль во все стороны и наконец крикнул:

– Что-то белеет, вон там, только я не разгляжу!

– Разрешите мне посмотреть? – попросил сержант, легко взбегая на вершину бархана.

– Это череп на палке! Там колодец. Казахи около колодцев всегда устанавливают такие сигналы! – воскликнул сержант, протягивая бинокль. – Смотрите, вот там! Извините, как Вас зовут?

– Николай Васильевич, – ответил толстяк и, секунду помедлив, добавил: — профессор Курамин. Но где же череп? Ах, да-да, вижу! Вы правы: это колодец. Хорошо бы освежиться, а то солнышко уже припекает.

Профессор спустился с бархана, подошёл к самолёту и крикнул в открытую дверцу:

– Мы нашли колодец, дайте ведро, надо принести воды и умыться.

– В самолёте нет ведра, – ответил лётчик.

– Гм... А чей это чайник?

– Мой, – не очень любезно ответил старичок, владелец брезентового саквояжа.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Курамин. – Сейчас мы с сержантом сходим и принесем воды.

Сержант останется здесь, – твердо сказал старик.

– Почему это? – возмутился Курамин.

– Иван Аверьянович, мы быстро сходим, – попросил сержант.

– Нет, нет. Я сказал!

– Так как? Вы идёте или не идёте за водой? – пожав плечами спросил сержанта Курамин.

– Придется остаться, – смущенно ответил сержант.

– Ну что же – я и один схожу. Хотя старику это и не к лицу при наличии молодежи, – язвительно заметил он. – Идемте, дети. Коля, носи чайник!

– Может быть, не стоит ходить, профессор, ведь до колодца не близко? – озабоченно спросила Майра.

Но Курамин не ответил и решительно зашагал вместе с ребятами к далекой белой точке.

Обманчивы расстояния в пустыне. Солнце стало заметно выше и припекало все сильнее, а Курамин с детьми ещё не прошли и половины пути до колодца.

Между тем вершины барханов закурились песчаной пылью – начинался ветер. На небе показались низкие облака. Они неслись с севера. Все следы на песке быстро исчезли.

Прошло немало времени, а в самолёте всё ещё раздавалось тихое позвякивание инструментов и голоса Майры и Тулегена. Ремонт рации затянулся.

В тени от крыльев самолёта лежал старик в форменном пиджаке, подложив под голову свой брезентовый саквояж. Рядом сидел сержант.

Из самолёта вышли лётчик и Майра. С озабоченными лицами они подошли к пассажирам, и Тулеген сказал:

– Рацию нам своими силами не исправить, товарищи. Придется держать курс к северу. А где же дети и профессор? Поднимается ветер. Будет трудно взлететь.

Майра посмотрела вдаль. Во все стороны простиралась необозримая пустыня. Совершенно однообразная. Курамина и детей нигде не было видно.

Девушка встревоженно воскликнула:

– Напрасно мы отпустили их. Я пойду их встречать. – Она быстро зашагала навстречу ветру, постукивая каблуками по твердому такыру.

Лётчик с удрученным видом сел рядом с пассажирами.

Ветер всё усиливался, и песок мело по твердому такыру, как снежную поземку по насту.

– Товарищи! Смотрите! – вдруг вскочил на ноги сержант. – Что это вон там – видите? Это же ишаки!

И в самом деле, за такыром через бархан медленно двигались какие-то животные. Хотя до них было более километра, однако было хорошо видно, что это действительно ослы. Через минуту они скрылись за барханом.

– Если там пасутся ослы, значит рядом аул! – воскликнул Тулеген, тоже вскакивая. – Сержант, пойдёмте узнаем, где мы находимся и куда лететь!

– Сержант останется со мной, – немедленно заявил старичок.

– Ну уж это, папаша, никуда не годится! – вспыхнул лётчик. – Сержант пойдет со мной. Я здесь отвечаю за всех, и я командую.

– Сержант подчиняется мне. Однако, пожалуй, Вы правы: надо разузнать, – сказал Иван Аверьянович. – Но один я не останусь.

– Как Вам угодно! Идёмте! – удивленно посмотрел на старика Тулеген и первый зашагал по такыру. Сержант и Иван Аверьянович последовали за ним. Старичок захватил с собой брезентовый саквояж.

Больше часа прошло в бесплодных поисках. Никакого аула за барханами не оказалось. Всюду был песок и кое-где такыры. Ветер свирепел с каждой минутой. Тучи песка неслись в воздухе. Наконец лётчик устало опустился на бархан. Остальные сели рядом с ним.

Песчаная метель бесновалась всё сильнее.

– Но ведь мы своими глазами видели этих ишаков, в чём же дело? Где же люди? – недоумевал Тулеген.

– Постойте, кажется, я понял, – догадался сержант, – это были не ишаки, а дикие ослы-куланы. Эх, только напрасно потеряли время, и так далеко ушли от самолёта...

Он хотел сказать ещё что-то, но яростный порыв ветра заглушил его слова. Налетел ураган. Всё скрылось в тучах песка. Он мчался с невероятной силой.

Все трое переползли в «ветровую тень» бархана и прижались друг к другу. О возвращении к самолёту нечего было и думать.

Курамин, Майра и дети так же пытались укрыться от бешеного ветра за барханом. Ураган настиг их, когда они уже возвращались и совсем немного не дошли до места, где стоял самолёт. Закрыв собой детей, взрослые легли спиной к ветру. Время от времени им приходилось переползать с места на место.

Солнца не было видно. Его лучи не могли пробить песчаные тучи над пустыней. Песок скрипел на зубах. Глаза резало, застилало слезами. К полудню солнце накалило море летящего песка, сделалось душно и жарко. Обливаясь потом, все лежали, боясь пошевелиться. Мучительно медленно тянулось время. Весь день шумела песчаная буря.

Только к полуночи ураган стих. Измученные люди уснули.

С первыми лучами солнца Курамин и Майра поднялись, разбудили и подняли детей. Сон только немного освежил их, и они побрели по сыпучему песку к самолёту.

Всё изменилось кругом. Многие песчаные барханы переместились. Жалкий кустарник, который рос по северным склонам некоторых барханов, вырвало с корнем и унесло. Странно было слышать в тишине звонкое пение маленькой птички – пустынной славки.

– Позвольте, Майра, ведь самолёт мы уже видели, когда налетел ураган? – остановился Курамин. – Где же он?

– Действительно, странно, – ответила девушка и остановилась. – Мне кажется, это тот самый такыр, на который сел самолёт, хотя его замело теперь песком, и он стал много короче.

– И мне кажется, что это тот самый такыр. Странно, очень странно. Смотрите, что это? – воскликнул Курамин, указывая на темное пятно на такыре около своих ног.

Девушка сразу поняла, в чём дело:

– Именно здесь стоял самолёт... Это лётчик слил вчера при мне машинное масло, когда мы ремонтировали мотор...

– А не могли они просто улететь? – высказал Курамин страшную догадку, которая вдруг пришла ему в голову.

– Я боялась Вам сказать, но поняла, едва увидела этот пустой такыр, а тут ещё пятно... Это чудовишно, ведь с нами дети! И этот странный пассажир, он вёз какие-то ценности, и они просто избавились от нас, а сами улетели, бензина у них много.

– Это невероятно! – вскипел Курамин. – Это же настоящее преступление! Как они могли решиться оставить нас!

– Сквозь сон мне показалось, что я слышу какой-то шум. Видимо, они на рассвете завели мотор. Нам остается только одно – скорее идти к северу, пока есть ещё силы. Вон туда, где видны какие-то горы, до них не так далеко. Там, конечно, есть населённые пункты. Сейчас весна, и мы найдем воду на такырах.

– Как жаль, что в старом колодце вода оказалась непригодной для питья! Да, вы правы, нам надо идти к северу. Но какое безобразие, даже детей не пожалели! – возмущался Курамин.

Коля гневно сдвинул брови, как отец, и едва сдерживал слезы. Но Гульнара не понимала сложного положения. Она радостно захлопала в ладоши:

– Вот прелесть! Пойдем пешком, я буду ловить ящериц! Только сначала хочу молочка...

– Дура! – оборвал её мальчик.

– Майра, пусть Колька не ругается! – пожаловалась девочка и сердито надула губки.

– Перестаньте ссориться, дети! Я кому говорю? Снимите ботинки, а то начерпаете опять песку, – сердито сказал Курамин, весь кипит от негодования.

– Гульнара, чай пить будем потом, когда придем в деревню. Мы должны долго идти теперь пешком, поняла? – ласково наклонилась над сестрой Майра.

– Хорошо, – покорно ответила девочка, – но я сильно хочу молочка...

– Опять, кажется, ветер усиливается? – тревожно сказала Майра, помогая Гульнаре снять ботинки. – Ну, идёте, дети!

Гульнара весело побежала вперед. Но взрослые медлили: нелегко было решиться на опасный шаг.

– Кошмар какой-то! – сказала Майра, ещё раз оглядываясь вокруг. – Негодяи...

– Ну, будь что будет, – произнес Курамин и, махнув рукой, решительно зашагал за Гульнарой.

Едва они скрылись за барханами, как ветерок замел их следы и покрыл затейливыми узорами.

Долго шли не останавливаясь Курамин, Майра и дети, сосредоточенно ступая по ямкам, оставшимся на песке от ног идущего впереди. Дети шли в середине цепочки, а Курамин и Майра изредка менялись местами: впереди идти было тяжелее. Когда уставал один из них, он становился в хвост цепочки, уступая другому место ведущего. Вскоре Гульнару пришлось нести на руках то Майре, то Курамину.

Раскаленный воздух колебал над песками изображения барханов перед усталыми глазами людей. Они держали путь к темной полоске, видневшейся вдали. Полоска оказалась зарослями саксаула. Уродливые, искривленные деревца были совершенно лишены листьев. Их заменяли корявые веточки, покрытые чешуйками. Все вокруг казалось безжизненным, мертвым.

Путники в изнеможении свалились на песок в едва заметной тени саксаула, похожей на тень от тонкого тюля на окнах. Дети сразу уснули.

– Надо набрать веток саксаула и зажечь костёр. Если поблизости есть какие-нибудь охотники или чабаны – они заметят. У вас есть спички? – спросила Майра.

Курамин молча протянул коробок спичек.

Девушка сосчитала их:

– Это всё?

– Всё!

– Вам придется курить только на привалах у костра.

– Меня совсем не тянет курить – я хочу пить.

Усталые глаза девушки на мгновение оживились, изогнутые брови распрямились:

– Я запрещаю вам произносить это слово! – прошептала она, показывая глазами на детей.

Немного помолчав, добавила: – Можете спать, дежурить у костра буду я, боюсь – ещё уснёте. А сейчас помогите собирать саксаул.

Вскоре сухие ветки саксаула были собраны. Костёр быстро разгорелся, и взрослые легли около ребят. Каждый думал о своем. Наконец Курамин тихо сказал:

– Майра, пора нам познакомиться. Не помню, говорил ли я вам, что меня зовут Николаем Васильевичем, я профессор, палеонтолог. По роду моей работы мне не каждый день приходится ходить по пустыне и вообще много ходить. Мы с Колей летим с раскопок в районе канала, знаете? Там идет большая стройка в пустыне...

– Скажите, Николай Васильевич, – грустно спросила Майра, – Вам хочется есть?

– Какое там – есть! – Курамин замолчал и только облизал сухие губы.

– Странно, я тоже не хочу есть, но ребята, бедные ребята... – Наступило молчание.

– Почему Вы не спите? – спросила Майра. – Отдыхайте, я подежурю. Я моложе, и потом мы, казахи, привыкли к жаре и степи.

– Я мужчина. И Вы тоже хотите спать. Впрочем, беда невелика, если мы оба уснем, – ведь искать нас никто не будет. Но всё равно надо, чтобы костёр горел: здесь могут быть хищники.

Не договорив, Курамин вдруг выдернул из костра горящую палку и что есть силы швырнул куда-то в сторону.

Девушка испуганно приподнялась и увидела недалеко безобразное существо метра полтора длиной, похожее на огромную ящерицу. Шипя, оно ковыляло на кривых ногах и отчаянно колотило по песку хвостом. Видимо, испугавшись, через минуту животное скрылось за барханом.

– Это варан – крокодил пустынь. Ух, я тоже испугался! – улыбнулся Курамин. – Впрочем, он безвреден. Хотя, если стукнет хвостом, то не поздоровится.

– Хорошо, что ребята спят, – переводя дыхание, сказала Майра. – Чего ещё можно здесь ожидать?

– Здесь могут быть только волки. Больше хищников нет. Змеи, конечно... Майра, напрасно Вы у меня забрали все спички. Давайте поделим их, мало ли что. А курить я не буду, не беспокойтесь. Дело в том, что, если укусит змея, надо сразу прижечь ранку: одну спичку приставить к месту укуса, а другой поджечь, чтобы спичка вспыхнула и обожгла. Яд свертывается от жара. Лучше небольшой ожог, чем... Только сразу надо прижечь, не позднее трех минут, пока яд не всосался в кровь.

Майра молча кивнула головой и бережно разделила спички. Оба опять прилегли на песок и незаметно задремали.

Проснулись только когда солнце перевалило через зенит, и двинулись дальше на север. Взрослые изо всех сил старались скрыть свое беспокойство от детей. Они отворачивали от них свои лица или старались улыбаться пересохшими губами, когда встречались взглядами с ребятами. Но сколько было тревоги в глазах Майры, когда она, идя сзади, смотрела, как устало шагают босые ножки Коли по песку! Гульнару она несла на руках.

– Майра, пить... – то и дело просила девочка.

– Потерпи, деточка, немного, совсем немного...

– Вода!... Колодец! – крикнул Коля, глядя вперед.

Курамин на ходу обернулся, тревожно посмотрел на сына, перевел взор на Майру.

«Плохо дело – бредит», – прочел он в её взгляде. Глаза девушки, казалось, стали ещё чернее на осунувшемся лице.

Наконец добрались до небольшой низинки с кромкой тростниковых зарослей и прилегли отдохнуть среди его тонких стеблей, немного защищавших от солнца. Дети сразу уснули.

Пески раскалились и отражали солнечные лучи, ещё добавляя жара и без того невыносимо горячему воздуху. Ни клочка тени, кроме крохотного кусочка под ногами.

Длинной цепочкой протянулся след недавно прошедших людей. Он вел прямо к северу, никуда не сворачивая, хотя кругом, рядом с ямками следов на песке можно было разглядеть много интересного.

Вот следы людей прошли по равнине, покрытой тщедушными растеньицами. Здесь след малозаметен, но все же видна ямка от каблука туфли девушки. В ямке белел выпуклый комочек с голубиное яйцо, словно из пергамента. Из комочка вылезла крошечная черепашка – не больше лесного ореха. Она долго медленно ворочала лапками и головой, пока не вылезла из углубления от каблука. С трудом преодолела первое в жизни препятствие и вышла в открытый мир пустыни. Вероятно, она появилась на свет несколько преждевременно, благодаря случайности: кругом ещё продолжалась кладка яиц молодыми черепахами. Упираясь лапами и становясь почти вертикально, они откладывали яйца в вырытые ими ямки. Потом засыпали ямки песком, пока не образовывался бугорок. Черепаха вставала над бугорком, «высоко» приподнималась на лапках, затем пригибала их и шлепала по бугорку брюшком. Так она трамбовала бугорок много раз, пока не сравняла его с окружающей почвой. Только после этого черепаха медленно уползала.

Вдали промчалось стадо антилоп-сайгаков, заставив черепах проворно втянуть под панцири головы и ноги. Горбоносые животные мчались, низко опустив головы, с такой быстротой, что их тонких ног не было видно. В минуту опасности они – эти современники мамонтов – могут мчаться со скоростью до восьмидесяти километров в час. А опасность была: за сайгаками гнались волки. Один из сайгаков сильно хромал и отстал от стада. С каждым мгновением расстояние между оставшим сайгаком и волками становилось меньше. И вот поднялось и осело облачко пыли: это волки догнали!

Вскоре сытые волки ленивой рысцой подбежали к месту, где недавно лежали люди. Здесь в примятом тростнике ещё остались четыре ямки. Они ушли дальше, не подозревая, что рядом была близко грунтовая вода! Но то, чего не знали люди, чутье подсказало зверям. Один из волков начал рыть землю среди тростников, далеко отбрасывая сухую почву назад. Устав, он уступил место другому. Сменяя друг друга, волки долго рыли яму, свесив языки и огрызаясь. Наконец на дне выступила вода. Отталкивая друг друга и скаля зубы, волки напились. Сытые звери тут же разлеглись в тростнике отдыхать.

Между тем до вечера путники прошли ещё не более километра. Тростники поредели. Впереди опять виднелась бесконечная равнина. Солнце опустилось низко и жара спала, но дети не могли больше сделать ни шага. Сонливость одолевала их с каждой минутой.

– Побудьте с детьми и разведите костёр, – сказала Майра Курамину. – Я вернусь назад к тем высоким тростникам. Может быть, там есть, может быть... – она, так и не произнесла запретное слово, медленно пошла к самой гуще зарослей и быстро скрылась в них.

Но сразу же вернулась, обрадованно крикнув:

– Николай Васильевич! Отара овец только что прошла через тростники и оставила целую дорогу следов. С ними, конечно, люди!

Через несколько минут ученый и Майра склонились, рассматривая свежие следы сотенного стада.

– Странно, нет ни следов копыт лошадей, ни людей, – проворчал Курамин, осматриваясь по сторонам.

– Не могли же овцы брести одни без присмотра? – возразила девушка.

– Конечно, поищем еще.

Но поиски ничего не дали.

– Да ведь это прошел табун пустынных антилоп-сайгаков, а совсем не овец! Как это я сразу не догадался? – воскликнул Курамин.

– Да, да, Вы правы, а я-то обрадовалась, – сказала Майра упавшим голосом. – Все же схожу в те густые тростники.

– Идите, я останусь с детьми, – ответил учёный.

Девушка углубилась в заросли. Вдруг она услышала рядом басистое рычание зверя. Девушка замерла, как прикованная – перед ней прижался к земле огромный каракал – пустынная рысь, готовая к прыжку. Кончик его короткого хвоста нервно вилял вправо и влево, шурша сухим тростником. Из-под сморщенного носа белели оскаленные зубы.

Майра, словно загипнотизированная, стояла совершенно неподвижно в каких-нибудь десяти метрах от зверя.

И вдруг:

– Эгей! Ого-го! А-а-а! – раздались рядом чьи-то нечленораздельные крики.

Майра только на мгновение скосила глаза, не отворачиваясь от каракала, и увидела... лётчика! Да-да— он подбегал к ней, дико крича и размахивая руками. На бегу пилот выхватил из кармана молоток, забытый там после ремонта мотора.

– Бегите, Майра! Бегите!

Каракал повернул голову в сторону Тулегена, приник на миг к земле и прыгнул на человека, мелькнув перед глазами девушки расплавленной медью своей золотистой шкуры в лучах заходящего солнца.

И в тот же миг раздался выстрел где-то у самого уха Майры. Она резко оглянулась. Около неё стоял сержант с карабином у плеча. Впереди бился в предсмертной агонии каракал. С земли, настороженно озираясь, поднялся лётчик.

Только теперь девушка пришла в себя.

– Чёрт, вот чёрт, а? – только мог выговорить лётчик, не скрывая волнения. Он крепко обнял сержанта, лицо которого было серым, – так бледнеют смуглые от природы люди. Он все ещё держал карабин, приложив приклад к плечу, готовый выстрелить каждую секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.